

моря“ (р. 66: „they soon became masters of the Black Sea“), Васильев в то же время со странной непоследовательностью хочет нас уверить, что русские первым объектом своего нападения на византийские владения избрали саму византийскую столицу. При этом он „забывает“ недвусмысленное указание византийских источников, что нападению на столицу предшествовали набеги русских на всем Черноморском побережье. Например, у Скилицы-Кедрина мы читаем: „На все находящиеся внутри Эвксинского понта и на все его побережье нападал русский флот (народ же рос-скифский, живущий у северного Тавра, дикий и грубый), и на самый царствующий град навлекли они страшную опасность“.¹

Нам уже приходилось отмечать,² что, отвергая историческую ценность жития Стефана Сурожского, Васильев не позаботился даже точно изложить его содержание. Например, он пишет, что Стефан Сурожский претерпел мученическую смерть при Константине V,³ тогда как и в кратком греческом и полном русском житии говорится, что Стефан Сурожский был отпущен Константином V в Сурож, где и умер естественной смертью. К каким недопустимым натяжкам прибегает Васильев в своей аргументации, свидетельствует и его утверждение, что полный греческий оригинал жития Стефана Сурожского мог никогда не существовать,⁴ хотя сохранившееся краткое греческое житие, изданное Васильевским, и данные минология Василия II, независимо от сохранившегося славянского текста, с несомненностью устанавливают существование такого полного греческого оригинала.⁵

Столь же необоснованным является и „анализ“ жития Георгия Амастридского.

Как известно, Е. Э. Липшиц в работе „О походе Руси на Византию“ достаточно убедительно подкрепила вывод Васильевского о принадлежности этого жития к числу произведений Игнатия, византийского писателя первой половины IX в.⁶ Все материалы, использованные Е. Э. Липшиц, известны Васильеву. Тем не менее он, по существу не аргументируя, отвергает выводы Васильевского. Он пытается нас уверить, что только в 941 г. была ситуация, отображенная в житии Георгия Амастридского, т. е. только тогда русские сначала проникли в Пропонтиду (Мраморное море), а затем, покинув ее, достигли Амастриды. „Мы, — пишет Васильев, — имеем абсолютно точное представление об объеме русских операций в 941 г.: от Никомидии, другими словами, от Пропонтиды и Мраморного моря на юге до Пафлагонии на севере. Это меня абсолютно убеждает, что история, рассказанная в житии Георгия Амастридского, имеет дело с экспедицией Игоря“. Однако все византийские источники (Симеон Логофет, Продолжатель Феофана, житие Василия Нового) сообщают, что флотилия Игоря не проникла в Мраморное море, а у самого входа в Босфор („ἐπὶ δὲ πλοσίον τοῦ ἐν τῷ Εὐξείνῳ πόντῳ φάρου ἐγένοντο, ἐν τῷ Ἱερῷ λεγόμενῳ“) встретила

¹ Georgii Cedreni, ed. Bonn, II, 173; Theophani Continuatio. Patr. gr., v. CIX, p. 210.

² См. „Грегуар и его работы по византиноведению“. „Византийский Временник“, т. III.

³ A. Vasiliev. The Russian Attack on Constantinople in 860, Cambridge, 1946, p. 81.

⁴ Ibid., p. 82.

⁵ В. Г. Васильевский. Труды, т. III, стр. 72—76.

⁶ Е. Э. Липшиц. О походе Руси на Византию. „Исторические записки“, 1948.